

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Бурмистрова Елизавета Валериевна

ЖАНР СТИХОТВОРНОГО ИЗРЕЧЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ И. В. ГЕТЕ

Специальность 10.01.03. - литература народов стран зарубежья
(литературы народов Европы, Америки, Австралии)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2009

Работа выполнена на кафедре истории зарубежных литератур факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент
Полубояринова Лариса Николаевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Жеребин Алексей Иосифович

кандидат филологических наук
Елисеева Александра Владимировна

Ведущая организация:

Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова

Защита состоится «19» марта 2009 года в 16 часов на заседании совета Д 212.232.26 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, ауд. 25

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

Автореферат разослан «11» февраля 2009 года

Ученый секретарь диссертационного совета,

кандидат филологических наук, доцент

С. Д. Тигаренко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Стихотворная афористика занимает значительное место в творчестве Иоганна Вольфганга Гете (1749-1832). Классиком немецкой литературы было создано около тысячи афористических стихотворений, что составляет одну шестую часть от всей его лирики. Среди них – цикл "Венецианские эпиграммы" («Venezianische Epigramme», 1796), циклы «Бог, душа и мир» («Gott, Gemüt und Welt», 1815) и «Sprichwörtlich» (1815), «Книга Изречений» («Buch der Sprüche») из сборника «Западно-восточный диван» («West-östlicher Divan», 1819), «Кроткие ксеины» («Zahme Xenien», 1820-1827). Из произведений малой прозы Гете, которые можно обозначить как афористику, наиболее значительными являются «Максимы и рефлексии» («Maximen und Reflexionen», 1833), глава «Из дневника Отгилии» (роман «Избирательное сродство» – «Die Wahlverwandtschaften», 1809), фрагменты «Размышления в духе странников» и «Из архива Макарии» (роман «Годы странствий Вильгельма Мейстера» – «Wilhelm Meisters Wanderjahre», 1821).

Общепринятым является мнение, что Гете обратился к стихотворной афористике уже в поздний период своего творчества, как к жанру, наиболее подходящему для формулирования жизненных наблюдений. Некоторые исследователи считают возможным в этой связи говорить об ослаблении лирического дара поэта. В действительности же тенденция к афористичности характерна для поэтического стиля Гете в целом: достаточно вспомнить его раннюю лирику или реллики Мефистофеля из второй части «Фауста».

Говоря об афористических стихотворениях Гете, нельзя не отметить, что они крайне разнообразны как по тематике, так и по форме. Поэтому весьма сложно выделить некие общие черты, свойственные данной группе текстов. Трудности возникают, в первую очередь, при попытке четкого определения жанра. Сам автор мог уже в заглавии указывать на то, в каком жанре написаны стихотворения (например, «Венецианские эпиграммы» («Venezianische Epigramme»), либо давать подчеркнуто нечеткую, размытую жанровую характеристику («Sprichwörtlich», «Epigrammatisch»), либо вовсе не давать никакого обозначения жанра («Gott, Gemüt und Welt»). Если мы обратимся к источникам (прежде всего, письмам и дневниковым записям Гете), в которых можно обнаружить, как сам поэт характеризовал по жанровому признаку свои афористические стихотворения, это нисколько не поможет решению проблемы, а наоборот, усложнит задачу: как выясняется, Гете именовал гномические стихотворения, не соотнобясь с их жанровыми признаками; чаще всего – «гномы» (это своего рода «гипероним» для всех афористических стихотворений), а также «наблюдения», «апофтегмы», «размышления» или просто «маленькие стихотворения».

На сегодняшний момент существуют исследования, посвященные поздней лирике Гете в целом; среди ставших классическими трудов стоит

упоминать работы Э. Грунца, Ф. Гундольфа, В. Флитнера, Э. Шпрангера, Э. Штайгера. Проблема жанра стихотворного изречения в гетевской поэзии и его прообразов в литературе также относительно полно освещена: хотелось бы выделить в этой связи исследования Ф. Зайлера, Г. Нойманна, Р. Стивенсона. Цикл «Венецианские эпиграммы» исследовали Э. Маас, М. Нуссбергер, М. К. Флэвелл, Й. Яришловски, Х. Гфрейс, В. Бурникель. Из обширного пласта работ, посвященных «Западно-восточному дивану», следует отметить исследования К. Бурдаха, Г. Шульца, М. Моммзена, К. Моммзен, А. В. Михайлова, И. Хиллманн. Проблемой художественного своеобразия цикла «Кроткие ксении» занимались О. Смитал, Г.-Г. Ройгер, Т. Дитцель, Ф. Зенгле. В перечисленных работах изучается не столько модификация жанра стихотворного изречения у Гете, сколько тематика цикла, взаимосвязи отдельных эпиграмм, структурные принципы построения цикла. Можно говорить о том, что тема гетевской стихотворной афористики в целом исследована, но в ней еще немало «белых пятен». Наиболее близкой к теме настоящего исследования является монография В. Прайзенданца «Форма изречения в поэзии позднего Гете и ее предистория от Опица» (1953). Большая часть данной монографии посвящена предистории жанра стихотворного изречения от М. Опица до И. Г. Гердера, в собственно «гетевском» же разделе речь идет о теории стихотворного изречения (рассматриваются его структура, принципы создания пунта, разграничение различных типов афористики и т.д.). Непосредственно анализу гетевских текстов уделяется при этом крайне мало внимания. Таким образом, ни в отечественном, ни в зарубежном литературоведении до сих пор не предпринималась попытка комплексного анализа стихотворных изречений Гете, рассмотрение данного жанра в его динамике, сравнительного анализа циклов стихотворных изречений, формулировки тех особенностей, которые отличают именно гетевские стихотворные изречения.

Сказанное выше является важнейшим доказательством **актуальности** данной работы, в которой впервые в отечественном гетеведении объектом исследования стал жанр стихотворного изречения в творчестве Гете. Циклы стихотворных афоризмов детально анализируются на различных уровнях — как на содержательном, так и на поэтологическом, структурном — с целью выявления преемственности данного жанра в отдельных аспектах, которые продолжают линию эволюции стихотворного изречения, уходящего корнями в античную эпоху. Вместе с тем в результате ходе анализа выявляются и формулирутся те жанровые особенности, которые составляют специфический и неповторимый облик именно «гетевского» стихотворного изречения.

Научная новизна исследования определяется целиком рядом нетрадиционных установок в подходе к стихотворному изречению Гете. В частности, в установлении «дунаправленной» динамики (как дедуктивного, так и индуктивного плана) в циклах изречений, во внимании к аспекту визуальности, в выделении элементов саморефлективности в поэзии позднего

Гете, в обращении к категории «открытой» формы применительно к поздним изречениям.

Материалом для настоящего исследования выступают три цикла стихотворных изречений И. В. Гете: «Венецианские эпиграммы», «Книга Изречений» из цикла «Западно-восточный диван» и «Кроткие ксении». Данные циклы созданы на разных этапах творческого пути поэта и отражают основные тенденции развития исследуемого жанра в лирике Гете. Также немаловажным является то обстоятельство, что все три цикла имеют свои образцы, прототипы в мировом литературном наследии, на которые недвусмысленно указывал сам Гете: эпиграммы и ксении Марциала, «Диван» Хафиза, «флорилегии» и сборники шпрухов поэтов Реформации. Данная особенность означенных циклов существенно облегчает одну из задач исследования — обнаружение связи гетевских циклов с предшествующей литературной традицией.

Необходимо отметить также, что предметом исследования в настоящей работе являются только стихотворные изречения, то есть афоризмы, написанные в стихотворной форме. Перу Гете принадлежат, как уже отмечалось выше, несколько циклов прозаических афоризмов. Однако данные циклы не рассматриваются в работе, так как прозаический афоризм по своей форме существенно отличается от жанра стихотворного изречения. Отличия наблюдаются как на уровне тематики, так и в отношении логического членения информации. Несмотря на это, в работе используются в качестве примеров для сравнения отдельные гетевские афоризмы в прозе. Последние приводятся в том случае, если на содержательном уровне в них присутствуют параллели со стихотворными изречениями из трех рассматриваемых в исследовании циклов.

Основной целью данной работы является изучение жанрового своеобразия и эволюции стихотворного изречения в творчестве Гете. Наиболее важными задачами исследования представляются:

- 1) определение формальных и содержательных особенностей стихотворных изречений Гете, связывающих таковые с предшествующей литературной традицией (уже упомянутыми выше античной эпиграммой, немецким шпрухом эпохи Реформации, пословицей, восточным изречением и т.д.);
 - 2) фиксирование изменений, которые были привнесены Гете в традиционные жанры;
 - 3) выявление принципов построения циклов стихотворных изречений (в немецкой терминологии — *Sprichreite*), так как особенности соотношения изречений в цикле порождают разного рода смысловые и структурные связи между ними, которые существенно обогащают содержание как всего цикла, так и отдельных текстов внутри него.
- Решение вышеперечисленных задач является попыткой ответа на два крайне важных для современного гетеведения вопроса, собственно, и составляющих проблематику данной работы.

Во-первых, необходимо выяснить, почему Гете, со своей установкой на предельную субъективность поэтического высказывания, выбирает наиболее

объективный из поэтических жанров (который во многом сродни пословице) и особенно активно обращается к нему на позднем этапе творчества.

Во-вторых, не менее важен и вопрос о том, что отличает собственно «гетевские стихотворные изречения», что нового привнесит Гете в этот жанр, на чем основан статус этих произведений как важного звена традиции афористической лирики в мировой литературе.

Методологическую основу исследования составляет метод герменевтического анализа художественного текста. Данный подход представляется наиболее релевантным как в силу высокого историко-литературного статуса изучаемых текстов («классика немецкой литературы») и самого поэта, так и ввиду повышенной многозначности рассматриваемых текстов произведений, богатства присутствующих им интертекстуальных связей и насыщенности последних философскими коннотациями. Исследование различных уровней текста осуществляется, таким образом, в опоре на методологические ориентиры исследований Э. Штайгера, В. Прайзенданца, Р. Стивенсона, О. Смитала и других филологов, работавших в русле теории имманентной интерпретации. Поскольку творчество Гете неразрывно связано с его биографией и многообразием сфер деятельности (философия, естественные науки и др.), при анализе необходим выход за пределы имманентной интерпретации и обращение к историческому и биографическому контекстам произведений. При рассмотрении отдельных, малоизученных в гетеведении проблем нами используются элементы таких подходов, как семиотический, с опорой на труды У. Эко, и психоаналитический, в свете работ Ж. Лакана. Продуктивным для данной работы является и принцип лингвистического анализа текста, благодаря которому стало возможным выявление ряда языковых особенностей, присутствующих жанру стихотворного изречения в творчестве И. В. Гете.

Основные положения, выносимые на защиту:

- 1) В эволюции гетевской стихотворной афористики можно проследить движение от имитации античных образцов к освоению «немецких» форм стихотворного изречения в творчестве Гете. Вместе с тем, на каждом этапе этого движения соответствующие образцы подвергались определенным трансформациям. Основными жанровыми ориентирами для Гете служат античная эпиграмма, шпруг (как разновидность немецкой дидактической поэзии) и пословица. С одной стороны, Гете активно использует «канон», особенно в отношении формы изречений. С другой стороны, поэт стремится максимально от этого канона дистанцироваться.
- 2) Игровое начало, ирония и самоирония — крайне важные черты гетевской афористики. Некоторые аспекты рассматриваемого жанра переосмысливаются, иные наполняются новым, субъективным содержанием, иные гипертрофируются, доводятся до абсурда.
- 3) В стихотворных изречениях Гете роль пуанта заметно ослабляется.

Одновременно возрастает значение субъективного восприятия, в том числе визуального (как это происходит, например, в "Венецианских эпиграммах"). Важную роль в изучаемых циклах изречений играет саморефлексия личности автора и творческого процесса, псевдодиалогичность, также представляющая собой особый тип саморефлексии.

4) Стихотворным изречениям Гете присущ автологический характер. Эстетический эффект в изречениях возникает от отсутствия тропов и фигур речи; основную смысловую нагрузку в данном случае берут на себя многозначные образы-символы. В противопоставлении и взаимоотражении последних возникают новые уровни значения текста, что существенно обогащает жанр изречения в смысловом отношении. Также автологический стиль подразумевает активное участие читателя в процессе «расшифровки» образов-символов, что подкрепляет свойственную стихотворным изречениям установку на рецепцию читателя.

5) В гетевских циклах стихотворных изречений крайне важна композиционная логика произведения. В отличие от античных эпиграмматических циклов и сборников немецких пословиц, где основным фактором, связывающим отдельные тексты, является близость тематики изречений, стихотворные циклы Гете отличаются усложненностью структуры, что влечет за собой, помимо прочего, возникновение многообразных смысловых связей между отдельными изречениями, повтор образов и ситуаций, имеющих символическое значение. В отличие от предшествующей традиции, в гетевских циклах стихотворных изречений структура цикла крайне важна для полноценного восприятия произведения.

Научно-практическая значимость диссертации состоит в том, что ее основные положения и результаты исследования могут найти применение при чтении общего курса по истории зарубежной литературы в высших учебных заведениях, специальных курсов и спецсеминаров по немецкой литературе XVIII — начала XIX в. и по творчеству И. В. Гете, а также при составлении учебных пособий по названным темам. Результаты исследования могут быть использованы в ходе дальнейшего исследования как стихотворных изречений, так и в целом афористического наследия И. В. Гете.

Апробация исследования осуществлялась в ходе обсуждения отдельных аспектов диссертации на аспирантских семинарах кафедры истории зарубежных литератур СПбГУ и кафедры немецкой филологии РГГУ (Москва, 2006 г.). По теме диссертации были сделаны доклады на XXXV международной филологической конференции в СПбГУ (март 2006 г.), на IV съезде Российской союзу германистов (СПб, ноябрь 2006 г.), в рамках Герценовских чтений (СПб, май 2008 г.). Основные положения диссертации отражены в пяти публикациях.

цикла, позволяет выявить также смысловые и образные параллели с гетевским циклом «Римские элегии». В ряду особенностей, отличающих гетевскую модификацию рассматриваемого жанра в «Венецианских эпиграммах», отмечается также ослабление пуанта, являющегося, по всей видимости, результатом большей субъективной окрашенности высказывания и возрастающей роли первоначального визуального впечатления по сравнению с последующей переработкой, «остроумным фиксированием» последнего. Немаловажным для облика эпиграмматического жанра в творчестве Гете является и усиливающаяся символическая потенция образов. На материале «Венецианских эпиграмм» нами выделяются основные из встречающихся в цикле многозначных образов-символов и обосновывается их роль для придания большей целостности структуре произведения. Завершает параграф рассмотрение еще нескольких отличительных особенностей гетевской эпиграмматики — ироническое обыгрывание устоявшихся риторических приемов (что помогает поэту более четко обозначить фикциональный характер «античного» пространный формы и творческого процесса в целом. Третий параграф — «"Венецианские эпиграммы" и глава "Венеция" из "Путешествия в Италию": параллели образных систем, роль визуального аспекта в тексте» — представляет собой сравнительный анализ двух «итальянских» текстов Гете с целью выявления параллелей в образных системах «Венецианских эпиграмм» и главы «Венеция» из «Путешествия в Италию». В обоих произведениях визуальные образы служат отправной точкой для дальнейших рассуждений, подчас приобретая символический характер. В данном параграфе отмечается также влияние жанра путевых заметок на облик цикла «Венецианские эпиграммы».

В завершающем главу четвертом параграфе — «Структурная организация цикла» — излагаются основные положения ряда исследований, посвященных композиции «Венецианских эпиграмм», а затем формулируются основные черты, характеризующие структуру данного цикла. В отличие от античных эпиграмматических циклов, в ситуации «Венецианских эпиграмм» структура цикла крайне важна для полноценного восприятия произведения. Для структуры цикла немаловажно «вертикальное» соотношение внутри «Венецианских эпиграмм», прежде всего, повтор определенных образов и мотивов на протяжении всего цикла. В частности, это образ бога любви Амура, «лаперт», водной стихии, гондолы и т.д. Темы любви и посылки «возврата в античность», проходящие через весь цикл, сближают его с «Римскими элегиями». Мотивы разлуки с возлюбленной, невзгод поэта также играют важную роль в цикле. Уже рассмотренные нами выше образы-символы проводятся как бы «на нескольких уровнях», обеспечивая многочисленные и многообразные связи стихотворений цикла. Определяющим структурой цикла является и «горизонтальное» соотношение стихотворений. В «Венецианских эпиграммах» прослеживается линейное развитие цикла. Впечатления

Цели и задачи, поставленные в диссертации, а также предмет ее исследования, определили **структуру** работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы (187 наименований). Объем работы составляет 244 страницы печатного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** аргументируется выбор темы исследования, ее актуальность и научная новизна, определяются цели и задачи, обосновывается методология. Здесь же дается характеристика жанра стихотворного изречения и краткие сведения об эволюции данного жанра в истории немецкой литературы. Во **введении** также представлен обзор зарубежных и отечественных трудов, посвященных рассматриваемым в диссертации произведениям И. В. Гете.

Первая глава — «Венецианские эпиграммы» — представляет собой анализ эпиграмматического цикла И. В. Гете, созданного поэтом в 90е годы XVIII века. В первом параграфе, озаглавленном «"Венецианские эпиграммы" и античная эпиграмматическая традиция», даются сведения об истории создания цикла, рассматривается проблема источников, повлиявших на художественный облик данного произведения. В качестве определяющего фактора влияния, вслед за рядом исследователей творчества И. В. Гете, названо творчество древнеримского поэта Марка Валерия Марциала (40 — 103/104). Далее, в опоре на соответствующие исследования, выделяются и иллюстрируются примерами черты сходства гетевских эпиграмм с античной эпиграмматикой и, в том числе, с эпиграмматическими циклами Марциала: объем цикла, использование аналогичных условных имен и образов, широкий спектр тем, антитеза как ведущий стилистический прием в эпиграммах, применение приема диалогизации и т.д. Вместе с тем, в заключительной части параграфа выдвигается тезис о том, что «Венецианские эпиграммы» Гете ни в коей мере не являются лишь стилизацией под античные образцы и не несут на себе отпечатка «вторичности». Различия языков и культур, а также связанная с данным моментом невозможность возврата в античную эпоху не только осознается поэтом, но и довольно отчетливо рефлексивируется в цикле.

Гетевские эпиграммы отличаются от античной эпиграмматики, не в последнюю очередь, обилие игровых и пародийных моментов, а также целый ряд особенностей, рассмотрению которых посвящен открывающийся обзором литературы **вопроса второй параграф** главы, «**Особенности жанровой формы**». В качестве таковых нами называются сближение поэтом жанров элегии и эпиграммы (присутствие тематического комплекса, характерного для элегий, личный, интимный тон высказывания и т. д.). Разбор трех групп подобных «элегических» эпиграмм, находящихся в начале, центре и финале

фиксируются в порядке их возникновения. Данный стихотворный цикл, на наш взгляд, можно условно обозначить как «цикл-фотоальбом» (подобное наименование учитывает и повышенную степень «визуальности» данных текстов). В цикле присутствуют тематические группы, образованные находящимися рядом эпиграмами. Данные тексты взаимосвязаны, образуя своего рода «циклы в цикле». Важность линейного развития цикла подкрепляется и постоянным присутствием в тексте образов и ситуаций, связанных с движением в его различных воплощениях, в том числе, движение от античности к современности, от прошлого к настоящему, от стилизации к субъективно окрашенному авторскому высказыванию.

Вторая глава — «Западно-восточный диван» — посвящена одной из частей данного цикла, которая носит название «Книга Изречений» и содержит в себе, соответственно, тексты, относящиеся к жанру стихотворного изречения. В первом параграфе, озаглавленном «История создания цикла и традиция его изучения. Восточные источники "Книги Изречений"», утверждается тезис о западно-восточном синтезе в «Диване» и рассматривается процесс изучения Гете в восточной поэзии и культуры в качестве подготовительного этапа к созданию цикла. В параграфе приводится краткая характеристика восточных источников цикла («Диван» Хафиза, «Книга Кабуса» в переводе Г. Ф. фон Дица, «Сад роз» Саади и др.) с указанием их роли в создании художественного облика произведения. Вместе с тем, нами отмечается исследовательский дефицит в отношении освоения «западных» источников «Дивана» и «Книги Изречений» в частности. В заключительной части параграфа дан обзор исследований, посвященных проблемам художественного единства цикла и отдельным аспектам изучения данного произведения. Упомянутые выше «западные», немецкие жанровые прообразы «Книги Изречений» являются основной темой второго параграфа «Жанровое своеобразие "Книги Изречений". Немецкий дидактический шпрух и пословица как важнейшие жанровые прототипы изречений из "Западно-восточного дивана"». На примере «Книги Изречений» рассматривается влияние обоих жанров, упомянутых в названии параграфа, на облик стихотворного изречения Гете гетевском цикле. С дидактическим шпрухом эпохи Реформации изречения Гете сближает специфическая авторская модификация стихотворного размера «книттельферс», который активно использовал Г. Сакс, тематический спектр цикла, аллегоризм, дидактизм (подчас иронически-гиперболизированный), подчеркнутая архаизация стиля. Не менее важным жанровым прототипом явилась и пословица, как в содержательном плане (Гете привлекала универсальность данных текстов, их применимость к различным ситуациям, и вместе с тем «архаичность» пословицы), так и в языковом аспекте (четкая двухчастная структура, сочинительная связь, Wortpaare и т. д.). В качестве особенностей, отличающих гетевские изречения от шпруха и пословицы, выделяются осознанное стремление Гете к автологическому характеру поэтического высказывания, включение в текст биографических реалий,

ироническая саморефлексия автора.

Третий параграф «"Книга Изречений" как смысловой и структурный прообраз "Западно-восточного дивана"» развивает мысль о своеобразных структурных и содержательных лейтмотивах, которые присутствуют в «Книге Изречений» и проецируются на прочие разделы цикла. Стихотворные изречения, которые поэт сравнивает с камнями-галисманами, обеспечивают, по мысли Гете, равновесие, то есть иллюстрируют идею синтеза, гармонии противоположностей, идею, которая является ключевой в «Диване». Таким образом, жанр стихотворного изречения «дублирует» концепцию цикла в структурном аспекте. Данная мысль иллюстрируется в параграфе анализом сильных позиций (начальных и завершающих стихотворений) «Книги Изречений» и «Западно-восточного дивана». Из лейтмотивов содержания, присутствующих в виде сжатой формулы в «Книге Изречений», для более детального анализа нами выбираются два — мотив полярности/двоичности и мотив течения времени.

Завершающий, четвертый параграф «Структурная организация цикла» открывает обзор работ, предметом которых является структура «Западно-восточного дивана» в целом либо композиционные закономерности одной из частей цикла. Далее нами высказывается мнение, что «Книга Изречений» построена по определенным принципам, главными из которых являются смысловая связь (на основе антитезы либо сходства) между отдельными стихотворениями книги, а также принцип двойности, полярности, отраженный на лексическом, тематическом и формальном уровнях. В контексте цикла изречений (Spruchreihe) отдельный текст данного жанра обнаруживает способность к выходу за рамки собственного смысла, образует единство с соседними изречениями и становится элементом структуры, смысл которой в какой-то мере определяется и смыслом отдельного изречения. Что касается структурного деления внутри самой «Книги Изречений», то представляется необходимым говорить о тематических группах, включающих в себя по несколько стихотворений, а также об «антитетических» и «синтетических» парах. В конце параграфа, в качестве вывода нами формулируется тезис о синтезе логико-систематизирующего и символического принципов в структурной организации «Книги Изречений».

Третья глава — «Кроткие ксении» — посвящена рассмотрению наименее изученного как в отечественном, так и в зарубежном гетеведении стихотворного цикла И. В. Гете, созданного им в поздний период творчества. По этой причине в третьей главе проводится наиболее детальный анализ данного цикла в его различных аспектах. В первом параграфе, «Общая характеристика цикла», в общих чертах излагается история создания «Кротких ксений», подчеркивается связь данного произведения с «Ксениями», созданными Гете в соавторстве с Ф. Шиллером. Наряду с преобладающей, нами выделяется и ряд отличий «Кротких ксений» от предшествующего им цикла, в том числе более широкий тематический спектр и большая

(проявляется в стремлении автора осмыслить свое происхождение, основные вехи собственного жизненного пути, позицию в сощуме); 2) антропологическая (здесь нами рассматриваются изречения, посвященные осмыслению писателем собственного пожилого возраста и неизбежных процессов старения); 3) историко-литературная (которая проявляется, главным образом, в осознании и одновременно ироническом отношении к феномену прижизненной славы); 4) саморефлексия формы литературного произведения и 5) саморефлексия творческого процесса/мышления.

Четвертый параграф носит заглавие «*Тематические группы изречений*». В цикле можно обнаружить довольно большую группу изречений, посвященную проблемам, интересовавшим Гете в пору создания «Кротких ксений». Автор лаконично формулирует те мысли, которые в данный момент являются объектом его научных занятий или предметом философских размышлений. Мы вновь видим, что данная тема разрабатывается Гете не с определенной дистанции по отношению к материалу (что зачастую свойственно обобщенному афористическому высказыванию), а на основе собственной философской концепции. Причем, как это свойственно Гете, в контексте цикла описание вполне конкретное закона природы или исторической ситуации может получить более широкое, символическое значение. В целом среди стихотворений, тематически связанных с интересами Гете как ученого и философа, нами выделяются группы, в которых отражены следующие аспекты: 1) размышления об устройстве природы (натурфилософские взгляды Гете, его взгляды на природу цвета, занятия в областях оптики, геологии, метеорологии, пантеистическая концепция применительно к устройству вселенной устройства вселенной); 2) проблема деятельности и энтелехии (которая обнаруживает явные параллели с высказываниями Гете по этому поводу в других произведениях, прежде всего, в «Максимах и рефлексиях» и в трагедии «Фауст»); 3) античность, древние мифологии.

Заглавие пятого параграфа, «*Диалогичность в "Кротких ксениях"*», намечает проблему, которая представляется нам интересной, главным образом, в ее связи с проблемой субъективного начала в гетевской стихотворной афористике и с уже рассмотренной выше проблемой саморефлексии. В начале параграфа приводится краткий обзор существующих исследовательских гипотез, который обнаруживает расхождение мнений в вопросе о сущности «собеседника» поэта, в чьи уста вкладываются реплики, заключенные в кавычки. Далее предпринимается попытка дать собственную трактовку этой проблемы в свете задач настоящего исследования. На наш взгляд, «диалогичность» многих стихотворений из «Кротких», графически оформленных как диалоги, является опосредованным выражением авторской саморефлексии, попыткой поэта осознать себя, собственную личность. Диалоги в этом цикле являются скорее «псевдиалогами» и действительно представляют собой «разговоры поэта с самим собой». Так, в работах М.

«формальная» свобода. В «Кротких ксениях» Гете не следует одному-единственному жанровому прообразу, и в качестве одной из причин подобной ситуации нами названа связь концепций цикла с натурфилософскими взглядами Гете, в частности, с его теорией «прарастения» (Urfanlage). По аналогии с идеей абстрактного «прарастения», находящей свое воплощение во всех видах растений, а также в их отдельных частях (листе, цветке и т. д.), «идея» формы изречения, своего рода «Urspruch», воплощается во всей пестроте и разнообразии «видов», в корне оставаясь неизменной.

Второй параграф — «*Жанровые особенности "Кротких ксений"*» — посвящен анализу основных аспектов жанрового своеобразия «Кротких ксений». Несмотря на отмеченную выше неоднородность изречений, в качестве основных жанровых прообразов «Кротких ксений» нами выделяются немецкий четырехстрочный шпурх и пословица. С данными жанрами гетевские изречения сближает, помимо прочего, использование архаизмов и сниженной лексики, обилие парных словосочетаний, использование начальной аллитерационной рифмы (Stabreim). Вместе с тем, нами подчеркиваются и моменты обновления жанра; так, порой кажущаяся «банальной» рифма (например, в нескольких изречениях она представляет собой лексический повтор) играет более важную роль, чем в дидактических шпурхах — слова, находящиеся в сильной позиции рифмы, приобретают у Гете символическое значение и открывают в изречении новые грани смысла. Моменты стилизации (библейские аллюзии, имитация барочной графики в написании некоторых композитов, латинизированная лексика) в «Кротких ксениях» проникнуты иронией. В свою очередь, дидактизм, присущий шпурхам, у Гете можно трактовать как «псевдодидактизм».

В третьем параграфе «*Типы саморефлексии в цикле*» рассматриваются основные типы саморефлексии, присутствующие в «Кротких ксениях». На наш взгляд, «Кроткие ксений» являются своего рода экспериментом с формой стихотворного изречения, попыткой наполнить ее новым, не свойственным ей содержанием. Если в стихотворном изречении мысль или переживание (которые, безусловно, принадлежат самому автору) либо оформляются как некая «вечная истина», правило, которое распространяется не только на автора изречения, но и на его читателей и т. д., либо сообщаются как интересный факт, наблюдение, без попытки дальнейшего анализа данной мысли или ситуации, то в «Кротких ксениях» отчетливо видно стремление автора применить заимствованные из других источников мысли к своим жизненным принципам, осмыслить собственную личность в ее антропологическом, возрастном, социальном аспектах. Самопознание, осмысление собственного «я» становится своего рода «сверх-лейтмотивом» в тексте. Нами проводится анализ нескольких изречений, в которых можно обнаружить сразу несколько типов саморефлексии, что позволяет говорить о них как о своеобразных узловых точках саморефлексии в цикле. Далее нами выделяется пять основных типов саморефлексии, присутствующих в цикле: 1) биографическая

Маурера можно обнаружить тезис о склонности Гете к «эпистолярным ролевым играм», его стремлении к самоинсценированию. Чтобы осознать свое собственное «я» (если пользоваться терминологией Ж. Лакана, в свете концепции которого самоосознание во многом базируется на отчуждении, образ автора в «Кротких ксениях» - это «я», а не «субъект», так как субъект не осознает себя), Гете заставляет свое «отражение», часть самого себя, задавать ему вопросы, на которые он отвечает. Во всем цикле присутствует лишь один персонаж, и это сам Гете; в соответствии с мыслью, высказанной им в последнем изречении цикла («Und so sprach ich mich, ihr Lieben/ Und bin immerfort der Eine»), он осознанно «расщепляет» свою личность, чтобы иметь возможность задавать себе вопросы, именно те, которые позволяют ему рассказать о своем *внутреннем* состоянии (символично, что философ-феноменолог М. Мерло-Понти, к примеру, обозначает восприятие как «вопрошающее мышление»).

Шестой параграф озаглавлен «*Автологический характер "Кротких ксений"*». Автологический характер многих стихотворений цикла - отказ от использования тропов и фигур речи в процессе создания художественного текста — представляет собой одну из важных особенностей гетевской стихотворной афористики. Эстетический эффект в подобном роде изречений создается по принципу «минус-прием», то есть от отсутствия стилистических приемов; основную смысловую нагрузку в данном случае берут на себя многозначные образы-символы. Как уже говорилось в главе настоящей работы, посвященной «Западно-восточному дивану», очень часто эти символы образуют антигетевские пары; в противопоставлении и взаимоотражении понятий возникают новые смысловые уровни. Похожим образом во второй части трагедии «Фауст» появление сходных символических образов и мотивов на каждом новом уровне повествования образует динамику развития, которую можно обозначить как движение по спирали, согласно гетевскому принципу «усиления» (Steigerung). Еще одна важная особенность гетевского преломления автологического стиля заключается в том, что оно подразумевает активное участие читателя в процессе «расшифровки» образов-символов. В контексте «Кротких ксений» и «Дивана» эта особенность подкрепляет свойственную стихотворным изречениям установку на рецепцию читателя.

Седьмой параграф главы, «*Структура цикла "Кроткие ксении"*», посвящен структурным закономерностям, которые прослеживаются внутри цикла. В начале параграфа дается краткий обзор исследований, посвященных структуре «Кротких ксений». Далее, в опоре на существующие концепции, предпринимается попытка выделить основные особенности структуры данного цикла. Шесть разделов «Кротких ксений» в гораздо меньшей степени, чем, к примеру, части «Западно-восточного дивана», отделены друг от друга, менее обособлены, несмотря на то, что внутри раздела формируются определенные соотношения между изречениями (нередко мы можем наблюдать ситуацию, когда одно стихотворение является своеобразным продолжением другого,

развивая, а подчас и опровергая сформулированную в нем мысль). Таким образом, важнейшим организующим средством является тематика изречений. «Символическая поливалентность» изречения, способность его к обогащению новыми смыслами в сопоставлении с различными стихотворениями цикла дает ту структуру, которую можно обозначить как «динамическую». Это, скорее, своего рода «упорядоченный хаос»; подобный цикл-«организм», состоящий, в свою очередь, из более мелких частей, также имеющих свое членение, и одновременно находящийся в непрерывном движении и внутреннем развитии, возник, не в последнюю очередь, под влиянием естественнонаучных занятий Гете и его предшественников о природе как сложном организме. В многоуровневом по организации цикле возможна имитация устройства природы, ее внутренней бесконечности. Таким образом, для структуры «Кротких ксений» основополагающий принцип - взаимосвязь и синтез, а также сквозное развитие темы и ее вариации от группы к группе. Основными из данных тем, на наш взгляд, являются: 1) жизнь и устройство природы, универсума; 2) саморефлексия творения, поэтического произведения; 3) божественное в человеке, человек как автор-творец; 4) время и вечность/возраст. Далее мы останавливаемся на двух последних темах; приводятся примеры последовательного проведения данных тем в цикле.

Завершающий, восьмой параграф, «*Роль сильных позиций текста в структуре цикла*», связан с предыдущим параграфом. Как и в «Западно-восточном диване», в «Кротких ксениях» важную роль играют сильные позиции текста: заглавие, эпиграф, первое и последнее изречение цикла. Скорее всего, оксюморон, содержащийся в названии «Кроткие ксении» (как и «Венецианские эпиграммы», «Западно-восточный диван») иллюстрирует стремление Гете к переосмыслению традиционных разновидностей стихотворного изречения, а также выявляет сильную «игровую», подчас пародийную тенденцию по отношению к «канону». Эта трактовка кажется нам справедливой и по отношению к эпиграфу на латинском языке, взятом из «Сатир» Горация. Изнанкой паетики эпиграфа вновь выступает самоирония. В первом изречении цикла Гете - в лучших традициях Марциала - обращается к собственному произведению, причем называет его «*vergilisches Wort*» (уже один только контраст с «*Vergilische*») из эпиграфа недвусмысленно свидетельствует об иронической саморефлексии творчества). Финальное же стихотворение «Кротких ксений» суммирует основные идеи «Кротких ксений» и одновременно подводит итог прделанного автором труда. Уже подчеркнуто автологический характер изречения, скупость языкового выражения мысли говорит нам о том, что на восьми строках данного изречения происходит предельная концентрация смысла, где каждое слово многозначно и от него тянутся смысловые связи с другими изречениями цикла. Здесь мы имеем дело с отражением «макроструктуры» цикла в «микроструктуре» отдельного стихотворного афоризма.

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются выводы

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

- 1) Бурмистрова Е. В. «Кроткие ксении» И. В. Гете: структура цикла // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Выпуск 4 (Ч.1). СПб, 2007. - С.9-14.
- 2) Бурмистрова Е. В. Стихотворения из «Книги Изречений» в контексте «Западно-восточного дивана» И. В. Гете // Зарубежная литература: проблемы изучения и преподавания. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. Киров, 2005. - С.73-79.
- 3) Бурмистрова Е. В. Традиция античной эпиграматики в творчестве И. В. Гете // Материалы XXXV международной филологической конференции. Выпуск 14. СПб, 2006. - С.105-110.
- 4) Бурмистрова Е. В. «Венецианские эпиграммы» И. В. Гете и античная эпиграмматическая традиция // Преломления: труды по теории и истории литературы, поэтике, герменевтике и сравнительному литературоведению. Сборник статей. Выпуск 5. СПб, 2007. - С.195-208.
- 5) Бурмистрова Е. В. «Книга изречений» как центр цикла «Западно-восточный диван» И. В. Гете // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т.4. М., 2008. - С.91-97.

об особенностях жанра стихотворного изречения в творчестве И. В. Гете, намечаются перспективы дальнейшей работы в русле данной проблематики. Как отмечалось во введении к диссертации, в эволюции гетевской стихотворной афористики можно проследить движение от имитации античных образцов к освоению «немецких» форм стихотворного изречения в творчестве Гете. Вместе с тем, на каждом этапе этого движения соответствующие образцы подвергались определенным трансформациям, выявить которые и было одной из основных задач нашей работы. На основе проведенного в основной части работы анализа трех циклов стихотворных изречений И. В. Гете, результаты которого суммируются в заключении, можно сформулировать ответы на поставленные во введении вопросы более общего плана — о причинах обращения поэта к данному жанру и о возможном влиянии Гете на европейскую афористическую традицию. На наш взгляд, Гете обращается к жанру стихотворного изречения, скорее всего, потому, что данный жанр во многих отношениях «двойственен», что открывает горизонты для творчества и эксперимента. Он имеет давнюю традицию и варианты в различных культурах и одновременно универсален (как, например, пословица). Он предельно объективен и, вместе с тем, позволяет высказывать личное мнение. За внешней простотой языкового оформления может скрываться философская глубина. Цикл стихотворных изречений — это своеобразный «организм», в котором постоянно происходит обновление и обогащение смысла одного стихотворного изречения в контексте других, а идея движения и развития занимает важное место в мировоззрении Гете. Таким образом, жанр стихотворного изречения, имеющий древние корни, дает широкое поле для его модернизации, для игры с каноном, например, классической эпиграммы или дидактического шпруха. Гетевские стихотворные изречения являются важным звеном в европейской афористической традиции и одновременно — ее высшей точкой и завершением, так как Гете совершил последний, наиболее рискованный эксперимент с этим предельно объективным жанром — наполнил его личным, субъективным началом. Любое гетевское высказывание, которое в качестве афоризма получает статус абсолютной и полунанонимной истины, тем не менее, принадлежит именно Гете. Черты авторского стиля «перевешивают» традицию, раздвигают строгие рамки жанра. У Гете-афориста не может быть последователей или эпигонов в силу индивидуальности стиля поэта.